

Дуву Сили был намного умнее, чем думали многие. Далун Руозан хотел сохранить солдат, и Дуву Сили дорожил своими войсками даже больше, чем Далун Руозан. Таким образом, хотя его слова были жестокими и резкими, у Дуву Сили никогда не было намерения посылать на штурм своих людей. Он мог скрыть этот факт от других, но не от Далуна Руозана.

Два тибетских генерала с пониманием посмотрели на спину Дуву Сили.

- Значит, великий министр уже предсказал, что он уедет? - Сказал Хуошу Хуйцан.

Далун Руозан молча улыбнулся. Его глаза скользнули по полю битвы, но, когда они прошлись по линии фронта обороны, выражение его лица слегка потускнело.

Аравийская Империя была просто слишком могущественной. Он проделал огромное расстояние до города Талас с намерением провести финальную битву между собой и Ван Чуном, состязание в стратегии, схемах и тактике. Далун Руозан и Ван Чун были двумя лучшими военными стратегами в мире, и очень немногие люди могли быть наравне с ними.

Далун Руозан глубоко предвосхитил этот конкурс интеллектуалов, можно сказать, что он провел каждый день и ночь в тюрьме королевской столицы У-Цана в ожидании этой встречи. Но теперь оказалось, что это желание должно было испариться.

Сила, которую демонстрировала Аравийская Империя, была просто слишком велика, разрушая любую тактику, стратегию или схему, делая все планы бесполезными. Даже такой гордый человек, как Далун Руозан, не мог не содрогнуться, взглянув на них.

Только Ван Чун и Великий Тан смогли бы продержаться так долго при таких жестоких нападениях. И Империя У-Цан, и Западно-Тюркский Каганат были бы давно уже разгромлены.

- Увы, Великий Тан обречен на поражение. Хотя я не могу лично победить тебя и исполнить свое желание, для меня лично проводить тебя и послужить свидетелем твоего падения - достаточно!

Далун Руозан глубоко вздохнул. Он знал, что для Ван Чуна все выглядело мрачно, и, хотя он не хотел этого признавать, он все же не мог не испытывать глубокого сожаления, когда видел, как Ван Чун проигрывает арабам.

.....

- Убью!

На удаленной линии обороны сто тысяч танских солдат оказались в гораздо более опасной ситуации, чем кто-либо мог себе представить.

- Истреби этих неверных!

Десятки тысяч арабских кавалеристов перешли линию обороны в танскую формацию. В прошлом, арабы должны были заплатить высокую цену, чтобы пересечь линию обороны, но теперь в стальных стенах был большой разрыв, и плотные и дисциплинированные танские формирования были в состоянии полного краха от атак Бегемотов.

- Предупреждение! Поражение неминуемо! Великий Тан потерял двадцать тысяч человек!

- Предупреждение! Поражение неминуемо! Талас скоро будет потерян! Пользователь скоро будет уничтожен!

- Последнее предупреждение! После поражения вся пользовательская энергия судьбы будет уничтожена! В то же время все воспоминания о пользователе будут стерты.

Когда Ван Чун летел по воздуху, холодный и бесстрастный голос Камня Судьбы издал ряд сообщений. Страшные толчки, вызванные гигантской обезьяной, заставили Ван Чуна отлететь на несколько сотен чжан.

Когда вокруг него завывали ветры, и мимо его уха пролетели изображения, казалось, что время замедлилось. Отлетая назад и переворачиваясь вверх дном, Ван Чун мог видеть все поле битвы.

Он увидел, как ревущие Гиганты Короля Неба идут к последней гигантской баллисте, увидел армию Тана в хаосе и увидел бесчисленное множество паниковавшей кавалерии, бегущей вдаль. Среди них были и Танцы, и наемники, их лица были бледны, а глаза наполнены страхом.

Эти четыре Бегемота разрушили сю их уверенность.

Рооооар! Ревел Бегемот, и когда Ван Чун перевел взгляд за кавалерию, он увидел залитое кровью поле, землю изломанных конечностей, покрытых трупами лошадей и людей, их широко открытые отчаянные глаза глядели в небо.

Среди этих разбитых конечностей Ван Чун мог видеть реки и озера крови, тысячи и тысячи разбитого оружия и пропитанные кровью знамена, растоптанные атакующими арабскими солдатами.

Впереди, рядом с первой линией обороны, Ван Чун был встречен сценой опустошения. Три других Бегемота закрыли небо, их глаза были алыми, и они топали ногами.

Перед этими тремя Бегемотами даже выносливая земля Таласа треснула и застонала. Гигантские валуны, весящие тысячу цзинь, были увлечены ударными волнами, чтобы взлететь в воздух, на десяток-другой чжан. Перед лицом такого жестокого нападения сила человека была слишком скудной, слишком скромной.

Ни один защитник или кавалерист не может противостоять этому.

Именно там жертвы Тана были самыми большими. Даже Гао Сяньчжи, Чэн Цяньли и его отец Ван Янь были сбиты с ног. Ван Чун мог сказать, что они что-то кричали ему, но он не мог слышать, что это было.

Он мог видеть только море трупов, их безжизненные глаза были полны отчаяния.

В этот момент мучительная боль наполнила его сердце.

Мы проигрываем?

Когда ему пришла в голову эта мысль, его разум внезапно задрожал от боли, такой жгучей, что стало трудно дышать. Искусство войны было вопросом жизни и смерти, дорогой к безопасности или к гибели. Для генерала поражение на поле боя было обычным делом.

Ван Чун полагал, что, пока он сможет победить, переломить ситуацию, изменить судьбу Таласа

и спасти Великий Тан, он может игнорировать все остальное и относиться к этому с равнодушием.

Но затем он увидел те трупы, среди которых он мог даже узнать некоторых солдат, которых он мог назвать по имени. Эти люди следовали за ним с юго-запада и никогда не отступали ни на шаг. Они следовали за ним со слепой верой, веря в него больше, чем он верил в себя, но в конце концов они все умерли.

Что-то, похожее на дугу молнии, казалось, проникало через его тело, и он почувствовал боль, возникающую из самых глубин его души.

Это были могущественные солдаты, которых он воспитывал. Они не должны были умереть здесь!

Он готовился к этой битве более полугода. Три тысячи баллист, пять тысяч самых элитных и хорошо экипированных кавалеристов Ушана, а также множество наемников и хорошо обученных солдат протектората...

Эта битва должна была привести к победе. Так где он ошибся?

Этого не должно быть! Так не может быть!

Пока бесчисленные мысли пронеслись в его голове, Ван Чун вызывающе открыл глаза и сжал кулаки. Линия обороны была сломана, стальная стена, которую он построил, теперь существовала только на словах.

Несмотря на то, что он сделал все, что мог, он не мог остановить наступление четырех ужасных Бегемотов, и его даже самого отправил в полет. Но он ни за что, в какой бы ситуации он не оказался, не уступил бы!

Так не будет! Должна быть еще надежда!

Ван Чун сжал зубы.

Бум!

Наконец, Ван Чун врезался в землю, создав огромную яму. Время пришло в норму, и Ван Чун вырвал глоток крови, прежде чем снова встать. В этот момент начали звучать тысячи звуков, и Ван Чун наконец понял, что говорят Гао Сяньчжи и Чэн Цяньли.

- Ван Чун, отступай! Спеш и отступай!

- Больше ничего не поделаешь! Мы не можем противостоять Бегемотам.

- Мы потеряли Талас. Спешите и отступайте!

- Сохраните наши силы, и у нас еще будет шанс!

Ван Чун видел, как Гао Сяньчжи и Чэн Цяньли с тревогой смотрят на него.

Это были не робкие люди. Во время битвы за Талас Гао Сяньчжи и Чэн Цяньли оставались стойкими, несмотря на их мрачную ситуацию, которая длилась два месяца против нападения арабов.

За это время Гао Сяньчжи никогда не сдавался в битве, но теперь он, наконец, решил уйти. Хотя это решение было болезненным, оно было и самым мудрым.

Сердце Гао Сяньчжи было в самом низу, и он смотрел, как неиссякаемые Бегемоты разбивают кровавый путь, усеянный трупами, через поле битвы. Не было никаких сомнений в том, что Великий Тан будет полностью побежден в этом соревновании. Пребывание дольше на месте только приведет к бессмысленным потерям.

В боях с людьми они могли сражаться до конца, но им пришлось отступить перед этими Бегемотами!

Они не могли допустить, чтобы здесь были похоронены последние силы, которые Великий Тан еще имел в Западных Регионах. Если они ясно понимали, что поражение было очевидным, почему они должны продолжать сражаться?

Самое мудрое решение, которое мог принять командир - отвести своих солдат к выходу из окружения, делая все возможное, чтобы сохранить силы на следующий день.

- Чун-эр! Поспеш!

Ван Ян тоже заговорил, и видно было, что его лицо охвачено паникой.

Во всех битвах Ван Ян всегда был храбрым и никогда не отступал ни на шаг. Даже в такой сложной ситуации, как война на юго-западе, он ни разу не задумывался об отступлении. Однако стадо Бегемотов и огромное море солдат позади них оставили его без единой надежды.

Хотя решение было в его сердце, Ван Ян должен был его принять.

Сила Бегемотов не была чем-то, чему люди могли противостоять. Они сделали все возможное, чтобы попытаться остановить их, но все же потерпели неудачу.

Если они не отступят сейчас и не дождутся, пока Бегемоты атакуют, даже с их восемью тысячами оставшихся солдат, Бегемоты могли бы истребить более половины из них за несколько вдохов. Более того, двести тысяч арабских кавалеристов и Далун Руозан скрывались в тылу.

У них еще было время уйти и сохранить свои силы. Хотя они не хотели этого признавать, они окончательно проиграли эту битву.

- Нет, невозможно! Битва за Талас так не закончится! Я никогда не отступлю!

Ван Чун сжал кулаки так сильно, что вены выступили у него на лбу, а кровь почти выдавила их.